

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

СПАСТИ МОСКВУ!

Мы грянем громкое «Ура!»

Герман Романов
Спасти Москву! «Мы грянем громкое „Ура!“»
Серия «Спасти Колчака», книга 6

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698681

Герман Романов. Спасти Москву! «Мы грянем громкое „Ура!“»: Яуза Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-68235-5

Аннотация

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака!» и «Спасти Отчизну!». Зброшенный на Гражданскую войну, «попаданец» меняет ход истории. «Белые» заключают перемирие с «красными», не мешая «революционному походу» в Европу. Конармия Буденного берет Варшаву и Вену, войска Тухачевского вступают в Берлин как освободители от оков Версальского мира, и даже Гитлер записывается в красноармейцы! Троцкий грызется с Лениным за власть, «мировая закулиса» в панике – ее проект по разрушению Российской Империи вышел из-под контроля и рикошетом бьет по самим заказчикам революции. А тем временем «белые» возвращают не только отторгнутые территории, но и симпатии русского крестьянства, уставшего от продразверстки и «военного коммунизма». Пока красный «Ледокол» крушит Европу, Белая Гвардия собирается с силами, чтобы СПАСТИ МОСКВУ!

«Как ныне собирается Вещий Олег / Отмстить неразумным хазарам... – над окровавленной Россией все громче звучит гимн Русской Армии: – Так за Царя, за Родину, за Веру / Мы грянем громкое «Ура!»»

Содержание

Пролог	4
Глава первая	14
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Герман Романов Спасти Москву! «Мы грянем громкое «Ура!»

Пролог

Тирасполь

(1 октября 1920 года)

– Проклятые русские! Мы напрасно потеряли драгоценное время! Бить нужно было давно, а сейчас поздно!

Капитан Константин Григулеску в задумчивости похлопал по сапогу тросточкой – в последнее время многие румынские офицеры стали перенимать у французских советников этот чисто парижский шик. Впрочем, и немцы, как он помнил по прошлой войне, любили носить с собой либо стек, либо кавалерийский хлыст.

Командир роты инфантерии не велика птица в армии, где число генералов давно перевалило за сотню, но свое мнение иметь может. Хотя высказывать его порою просто опасно, и приходится держать язык за зубами.

Последние четыре года, с того самого дня, когда Григулеску был произведен в первый офицерский чин, он только и делал что думал, ворочая мыслями, как жерновами на отцовской мельнице. Он твердо знал, что, несмотря на все неудачи, итог будет один – «Великая Румыния» прочно заняла свое место среди ведущих государств если не всей Европы, то на Балканах уж точно.

И как тут усомниться в божественном провидении?!

Летом 1916 года его страна вступила в войну на стороне Антанты и потерпела преже-
стокое поражение от германо-болгарских войск, потеряв почти всю территорию и отступив с боями в Молдавию, что тогда входила в состав Российской империи.

Когда у русских произошла социальная революция, их царь отрекся от престола и власть осенью 1917 года взяли большевики, то Константин, как и многие другие румынские офицеры, подумал, что все пропало и его оккупированная страна будет безжалостно поделена между победителями – Германией, Австро-Венгрией и Болгарией.

Но свершилось чудо!

Королевское правительство вовремя успело подписать капитуляцию, и германцы, вдоволь насмотревшись на русскую смуту, решили не допустить подобного сценария в Румынии.

Причины такого странного великодушия Берлина объяснялись просто – дабы иметь возможность качественно, с чувством, толком и расстановкой ободрать побежденного – как умеют это делать только педантичные тевтоны, – вернули южному соседу земли, что румыны оттяпали четыре года назад, да наложили огромную контрибуцию.

Правда, денег не было, да и когда, скажите на милость, золото с серебром удерживалось в Валахии?!

Потому поставляли победителям сырье и нефть, которой у тех не имелось, да разорили свирепыми реквизициями собственные хозяйства, где крестьяне и без того голодали даже в урожайные годы, питаясь одной мамалыгой. Особые команды с королевскими чиновниками во главе обрушились на села подобно крымским татарам в эпоху их страшных и разорительных набегов. Из глинобитных амбаров и закровов подчистую выгребали пшеницу, кукурузу и прочие зерновые, а заодно прихватывая виноград и прочие дары этой щедрой солнечной

земли. Не забывали и про вино, которого давненько не пили в Берлине, резали походя свиней и коров, дабы в рейхе переработали мясо на тушенку.

Вот только недолго, каких-то полгода, эдакое бесчинство продолжалась – к осени союз Центральных держав полностью обессилел, стоя на краю пропасти. Союзники на Западном фронте и на юге от греческих Салоник перешли в решительное наступление.

Румыны терпеливо дождались конца октября, когда стало окончательно ясно, что со дня на день Германия, охваченная революционной смутой и голодом, вот-вот попросит перемирия. И тут же объявили ей войну, не потеряв при этом ни одного солдата, и, фигурально выражаясь, успели вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда.

В отличие от тех же русских, что, также капитулировав перед немцами, с великой жестокостью продолжали убивать друг друга. Устроили у себя дома кровавую гражданскую войну и упустили все возможные выгоды!

Румыны же вовремя очутились в стане победителей, которые в своем великодушии оказались удивительно щедрыми, ибо отдавали не свое кровное, а отбирали у побежденных.

На страну посыпались невероятные блага как из рога изобилия. От враждебных соседей, Венгрии и Болгарии, отрезали в пользу валашского королевства Трансильванию, Буковину, Восточный Банат и вернули обратно Южную Добруджу. Вот только природные валахи на присоединенных к короне территориях едва треть населения составляли.

Занятую румынами Молдавию, заседавшие в Версале победители решили окончательно отобрать у охваченной революцией России, дабы в будущем, если русские, неважно кто из них – красные или белые, попытаются возродить могущество великой страны, то здесь великодержавность наткнется на стену. Поздно, уже территория другого государства, так что москвитам рассчитывать будет не на что. Именно потому версальские политики оставили русскую Бессарабию, а именно так тогда называли Молдавию, в полном и безраздельном пользовании новоявленных оккупантов.

Правда, обставили дело ссылками на «историческую справедливость и права наций на самоопределение». С первой вышло совсем неладно. Бухарестский мир 1812 года, на который стгоряча сослались охочие до чужих земель валахи, по которому Бессарабия вошла в состав Российской империи, был подписан князем Кутузовым, будущим победителем самого Наполеона, не с румынами... а с турецким визирем.

Ибо в то время все балканские народы находились под османским владычеством и независимостью не обладали. А валашский князь стал румынским королем лишь через полвека с лишним, после очередной победоносной войны русских с турками.

Но разве исторические факты кого-либо останавливали?!

Потому выбрали для вящей страховки и второй вариант, по которому заправили Антанты, соблюдая всевозможные политические реверансы и благопристойность, устроили в Бессарабии нечто вроде плебисцита, которые проводили в других европейских странах, когда хотели внешне соблюсти законность в совершенном беззаконии.

Но так как голоса считали королевские чиновники, а не иностранцы, то «свободное народное волеизъявление» молдаван проходило под штыками оккупантов. Румынские жандармы взяли под арест чуть ли не весь местный парламент, если применимо это слово к сей «лавочке», Сфатул Церий, в полном составе. Соответственно и результат получился предсказуемым и давно ожидаемым в Версале – все население чуть ли не «единодушно» вошло в состав «Великой Румынии».

Именно так, с большой буквы – ибо территория страны более чем удвоилась, репарации с Германии оказались намного больше, чем те, которые немцы с венграми год назад с валахов содрали.

Да еще задарма французы с прочими союзниками всю королевскую армию, которая до того терпела только одни поражения и бежала от первого выстрела неприятеля, полностью

снарядили и перевооружили, избавив разоренную страну от излишних и значительных расходов.

Разве это не чудо?!

Для полного счастья «располневшей» румынской державе не хватало самой малости – Транснистрии. Под таким мудреным названием в королевском дворце объявили «прародину» всех валахов еще с дохристианских времен, междуречье Днестра и Южного Буга. И то, что там сейчас проживало лишь несколько десятков тысяч молдаван, при совершенно ничтожном числе собственно румын, никого из бухарестских политиков совершенно не волновало. Зато территория Румынии еще увеличится на треть и вот тогда станет действительно «Великой».

В 1919 году румыны решили не упускать момент и вкупе с другими интервентами – греками и французами – заняли Одессу и потихоньку поползли на Херсон. Однако атаман Григорьев признал Советскую власть и двинулся со своей разудалой вольницей, для пущего страха именованной бригадами РККА, на оккупантов.

Французы и греки после первых стычек бежали сразу же, сломя голову, бросая пушки, пулеметы и танки. А ведь они сразились не с регулярной армией, а лишь с бандитами.

Румыны моментально сообразили, что может произойти с ними в прямом столкновении с русскими, пусть даже одичавшими от грабежей вчерашними повстанцами, и с не меньшим проворством, чем союзники по разбою, вовремя убрались за Днестр, прихватывая по пути все, что плохо лежало и попало на вороватые глаза.

Второй шанс приобрести вожаемую «прародину» представился в мае 1920 года, когда польские дивизии устремились к Киеву. Ситуация виделась в Бухаресте совершенно беспроигрышной. Русские увязли в гражданской войне, так что красные вряд ли бы смогли оказать ляхам сопротивление. Зато румынская карта была весомой, и как раз такой, что любили дипломаты в Бухаресте – получить свое, совершенно не воюя при этом. Или сделать все чужими руками, а потом отхватить желанный кусок пирога.

Одна лишь угроза перейти Днестр и зависнуть за спиной польской армии могла заставить кичливых панов усестись за стол переговоров и тихо-мирно договориться о разделе сфер влияния.

Вот только кто мог ожидать, что белые с красными опомнятся, заключат между собою перемирие ввиду внешней угрозы. А там большевики, при молчаливой поддержке своих вчерашних врагов, нанесут страшный удар по полякам, за три месяца раздавив их армию и полностью советизировав территорию. Франция всячески подталкивала Бухарест к тому, чтобы ударить в тыл большевистского Юго-Западного фронта. Такое коварное нападение могло бы привести к «чуду на Висле», если бы не одно но...

Пока шли транспорты с оружием и снаряжением от Марселя до Констанцы, пока шла нудная и долгая торговля по поводу будущих преференций, неожиданно выяснилось, что переправа румынской армии через реку стала совершенно бессмысленной.

Большевики и монархисты сговорились между собою, даром что те и те русские. Связываться же с белыми, что стали выдвигать свои дивизии на левый берег Днестра, в Бухаресте не желали абсолютно. Одно дело воспользоваться смутой у соседа, и совсем другое – сразиться один на один со страшным противником, которого даже красные, несмотря на чудовищное превосходство в силах, не смогли сломить.

Воевать не хотелось совершенно, несмотря на все заманчивые обещания Парижа. Но и отдавать обратно оккупированную Бессарабию румыны не собирались, несмотря на неоднократные требования русского царя. Потому-то и отрыли окопы на своем берегу, установив пушки и пулеметы и опутав все колючей проволокой. Оно так даже надежнее!

– Проклятые русские, – сквозь зубы прошептал Григулеску, с тоскою глядя, как на той стороне голубой реки вздымаются крыши и белеют стены домов столь близкого, но уже безнадежно далекого Тирасполя.

Ведь там ему обещали дать большое поместье с несколькими сотнями крестьян, которых он научил бы правильно жить, как рачительный хозяин, и сам бы вырвался с черной полосы долгого безденежья. Потому было особенно тяжело слушать в себе тягостный звон осколков мечты о «великой стране», от Дуная до Буга...

Берлин

(2 октября 1920 года)

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Никогда в жизни председатель РВС Лев Давыдович Троцкий не испытывал столь острого, пронзающего буквально все внутренности раскаленными иглами, приступа головокружительного счастья. Даже безумные афинские ночи с любимыми женщинами не приносили ему столь объемного чувства полного наслаждения.

Не прошло и трех лет, как он, тогда еще нарком по иностранным делам, молодой и никем не признанной Советской республики вел переговоры в Брест-Литовске с чванливыми германскими генералами и чопорными венскими дипломатами.

В те холодные дни, даже в горячечном бреду, Троцкий совершенно не рассчитывал, что придет время и Германия станет советской. И оно пришло в этот не по-осеннему теплый день!

Ныне и сейчас перед Бранденбургскими воротами и рейхстагом проходят торжественным маршем победоносные полки Красной армии, сверкая острыми жалами граненых русских штыков. И пусть шеренги бойцов в пропыленной защитной форме неровные, и даже иной раз не попадают в ногу, но это идут те, перед которыми уже сейчас трепещет до животных коллик вся мировая буржуазия.

Уставшие лица скользили перед взором нескончаемым потоком, и одно их объединяло – нескрываемая радость. Ликование испытывали все – и красноармейцы, что три года назад, озверевшие вконец от окопного «сидения», под выкинутым большевиками лозунгом «война-войне» с охоткой поднимали на штыки своих командиров, и их офицеры, также испытывавшие все ужасы мировой бойни. И хотя они стали ныне красками, но всего пять лет назад «их благородия» сами мечтали войти победителями в Берлин, особенно когда отступали по раскисшим и грязным дорогам Полесья.

И не разуверились в этой надежде!

Именно он, «красный маршал революции», как уже начали его называть, пусть пока и потихоньку, объединил всех русских людей на освободительную войну с поляками, вспомнив даже приснопамятный 1612 год. И ведь пошло офицерье под красные знамена, в охотку, и воевать принялось не за страх, как раньше, когда к каждому «военспецу» приходилось приставлять комиссара с маузером, а за совесть. Даже заслуженный генерал Брусилов обратился со своим воззванием и сам предложил РВС свои услуги.

«Наше теперь офицерье, с потрохами», – самодовольно подумал Троцкий, задорно тряхнув узкой, клинышком, бородкой, которую все связывали с обликом Мефистофеля, что, положив руку на сердце, председателю РВС нравилось. Еще бы – а то некоторые товарищи, что совсем не товарищи, а недруги, с козлиной даже сравнивали, что в корне реноме подрывало. А так приемлемо, и даже льстит...

– Товарищи! Мы разобьем гнилые оковы позорного и похабного Версальского мира!

Надрывая горло изо всех сил, Лев Давыдович выкрикнул очередной лозунг. Как раз для проходящих вдоль украшенной красными флагами трибуны стройных колонн солдат в серой униформе и характерных, легко узнаваемых стальных шлемах, что знала вся Европа.

Великое дело – интернационализм! Сейчас парадным чеканным шагом, в котором было что-то от гусиного, перед ним торжественно шествовал 1-й стрелковый полк германского пролетариата, наименованный в честь Розы Люксембург, замученной два года назад кровавыми империалистическими палачами в самом Берлине.

Но, как у Экклезиаста сказано – есть время разбрасывать камни, а есть время собирать. И, наконец, настал момент свести счеты, сторицей отплатить за погибших «спартаковцев».

Спешно формируемая германская Красная армия уже представляла собой весьма серьезную силу. Лев Давыдович не ожидал, что в Берлине будет такой наплыв добровольцев, даже мобилизацию объявлять не пришлось. Русским бы крестьянам подобную сознательность в феврале 1918 года, когда перед одной ротой немцев драпали полностью разложившиеся дивизии, а добровольцев под красные знамена пришло не просто мало, а совершенно ничтожное число.

А тут прямо девятый вал – комиссары и писари не справлялись с записью всех желающих, и если бы не помощь дотошных немецких товарищей, то хоть «караул» кричи!

Но ничего, разобрались быстро, благо у тевтонов привычка к дисциплине впитана с материнским молоком. Стоит любому пруссаку в строй стать, так мигом солдатом становится. И с командными кадрами проблем не встало, так что специально отобранные еще в Москве русские офицеры со знанием немецкого языка оказались невостребованными. А это даже к лучшему – не будут контрреволюционную агитацию среди них проводить, принцип «разделяй и властвуй» не вчера придуман.

Многომиллионная ранее германская армия благодаря усилиям Версальских «мировотворцев», до ужаса боявшихся возможного возрождения рейха, сократилась до ста тысяч – как раз на семь пехотных и три кавалерийских дивизии с минимумом артиллерии и боеприпасов. Союзники бы еще подсократили, но тевтоны на переговорах уперлись намертво.

Их можно было понять и оправдать – загребущие соседи, особенно чехи и поляки, хорошо поживившиеся за счет побежденной Германии, останавливаться на достигнутом отнюдь не желали. Они принялись изыскивать новые возможности для дальнейшего приращения своих территорий, благо армии имели куда более многочисленные и всякими мирными договорами не стесненные.

Из огромного офицерского корпуса оставили на службе лишь четыре тысячи немцев, еще столько же защищали рубежи в рядах «черного рейхсвера», насквозь незаконного, но нужного. И все!

Подавляющее большинство служивых было выброшено на улицу без средств к существованию, лишь немногих наделили мизерными пенсиями. И к власти нищенствующие вояки испытывали отнюдь не симпатии, недаром все эти два года говорили о «красном рейхсвере».

Потому стоило Красной армии вломиться в Германию, как озверелому кабану в камыши, перешагнув через поверженную панскую Польшу, как все рассказы приобрели весьма осязаемые и насквозь неприятные для Веймарских заправил черты...

– Да здравствует социалистическая Германия! Смело вперед, товарищи! Даешь Париж!

Выкрикнув, Троцкий победно вскинул правую руку, ибо надетая под легкое пальто стальная кираса, которую он носил в последнее время под одеждой, обоснованно опасаясь покушения, не позволяла ему погрозить небу одновременно двумя кулаками.

Сейчас, с этой трибуны, он впервые ощутил себя вождем мировой революции!

Ведь Ленин, скрюченный страшной болезнью, уже не мог не то чтобы раздувать мировой пожар, но даже толком завершить переустройство России. Сдал Ильич, переложив все дела на него. А сколько стоило нервов убедить «Старика» и Дзержинского приложить все силы на мировую революцию, без которой существование диктатуры пролетариата в одной стране, пусть даже огромной, бессмыслица?!

К счастью, столь опасные «белые» сами пошли на перемирие, дав ему этот единственный шанс, который, как в рулетку, уже принес немислимый выигрыш!

«А ведь «Старик» все прекрасно понимает и уже начал ревновать меня к славе. Ведь недаром своего верного «Квазимодо» ко мне соглядатаем приставил», – Троцкий скосил взгляд на молодого грузина в потрепанной шинели, что стоял рядом с ним.

Лицо в оспинках по-азиатски бесстрастно, левая рука, немного искривленная, плотно прижата. Нарком по делам национальностей и одновременно председатель РВС Юго-Западного фронта Джугашвили, сменивший фамилию, как и многие другие большевики, на звонкую партийную кличку Сталин. Этот бывший боевик, поднаторевший в лихолетье первой революции на «эксах», явно чувствовал себя скованно на фоне блестящего оратора Троцкого, купавшегося в лучах славы.

Еще бы – ленинский протеже прекрасно видел и слышал, как реагировали тысячи собравшихся на площади людей на триумфальные выкрики Льва Давыдовича.

– Даешь!

– Ура!

Красноармейцы громко, хотя несколько вразнобой, поддержали призыв. Тут Троцкий машинально отметил, что ранее «на Варшаву или Берлин» кричали куда как задорнее. Видимо, русским мужикам, которые составляли большинство в полках, перспектива дойти победным маршем до Парижа стала несколько если не пугать, то напрягать изрядно.

– Хох!!!

– Хайль!!!

Зато на его искренний выкрик яростно и хрипло, на одном вздохе грянули немецкие колонны. Лица солдат, одетых в «фельдграу» внушали нешуточную надежду. Такие обязательно дойдут до Парижа, как и шесть лет назад. И не только – сейчас даже на зубах доползут, желая взять реванш за все унижения и нищету.

– Да здравствует мировая революция...

Договорить Троцкий не смог – страшный удар в живот не только перехватил дыхание до потемнения в глазах, но и отбросил председателя РВС на стоящих за спиной адъютантов.

Впервые в жизни он почувствовал себя так странно.словно среди белого дня смотрит синематограф, в аппарате заело пленку, которая стала медленно тянуться, чуть ли не по кадрам. Полностью пропал слух, установилась давящая, мертвящая сердце тишина.

Стоявший рядом с ним главком Каменев медленно, очень медленно повернулся ко Льву Давыдовичу – тот, будто впервые в жизни, с отчетливой пронзительностью видел каждую черточку на его лице, чуть ли не любой волосок в пышных и длинных, истинно шляхетских усах. И тут лоб главкома словно взорвался, как переспелый арбуз, выбросив массу красной и теплой мякоти прямо в лицо Троцкого.

– А-а!

От собственного крика, пропитанного болью и ужасом, председатель РВС очнулся, время снова убыстрило свой ход, на разум и все чувства обрушились звуки.

– Что такое, товарищи?!

– Главкома убили!!!

– Твою мать!!!

Адъютант с искаженным лицом прыгнул вперед и прикрыл Троцкого собственным телом, а его неожиданно крепкие и сильные ладони буквально пригнули к дощатому помосту. Лев Давыдович хотел возмутиться, но тут же к нему вернулась способность размышлять.

«В меня целили! Но панцирь выдержал. А вторым выстрелом Каменеву голову разнесли». – Троцкий сжался в тугой комочек, представив, как неведомый стрелок ищет его в прицеле.

Захотелось жить как никогда, до боли каждой клеточки тела. Он чуть ли не заскулил, стараясь сделаться как можно меньше и вжимаясь всей грудью в начищенный до блеска сапог.

– Товарища Сталина ранило!!!

– Да не ори ты, и так вижу! Руку выше перетягивай, напрочь ведь снесло!!!

– Дайте бинта!

– Ремень снимай, стягивай туго! Врачей сюда!

«Вот оно как?! Кроме Каменева еще и в грузина попали», – от мысли, что неизвестный злоумышленник подстрелил ленинского соглядатая, Троцкий повеселел, к нему вернулось привычное хладнокровие. Но вскакивать на ноги не стал, к чему изображать героя, и продолжил вслушиваться в царящий кругом кавардак, сопровождаемый криками, стонами и руганью, которые, однако, не помешали председателю РВС расслышать еле слышный звук далекого выстрела.

– Из того дома бьет, сучий потрох!

– Пять выпалил, магазин пуст!

– Сволота!

Суматоха на трибуне продолжалась, но уже принимая упорядоченный характер. Да и суতোлка на площади прекратилась, лишь раздавались звонкие и строгие команды на немецком и русском языках. Лев Давыдович так ничего и не видел, да и не собирался, но зато все прекрасно слышал. Чей-то властный и знакомый голос громко приказал:

– Живьем брать, суку!!! Быстрее, мать вашу! Весь парад мне испортил, поганец!

«Тухачевский! В наполеоны метит, выкормыш, парад ему испортили. Ничего, я ему это припомню». – Троцкий мысленно сделал зарубку в памяти, и только сейчас решил встать, благо сильные руки адъютанта сами стали приподнимать его на ноги...

Тирасполь

(2 октября 1920 года)

– Какие дикари! Я видел их в Сирии. Наши зуавы в сравнении с этими варварами вполне цивилизованные и приличные люди! У них воинственный вид, у всех этих мусульман, но они плохие воины. Я дал очередь из пулемета по курдам, и те сразу же разбежались, как крысы!

– Хм... Позвольте с вами не согласиться, месье Морис...

Капитан чуть хмыкнул, искоса глянув на жизнерадостного французского майора, что неделю назад прибыл в Констанцу и вчера был назначен советником в полк.

Морис Пишон совершенно не знал румынского языка, впрочем, как и других, но совершенно искренне считал, что все люди на земле должны понимать французскую речь. Вот только таких среди румынских офицеров в пехотном полку оказалось всего трое, более или менее говорящих на нем свободно. Лучшим среди них был Григулеску, которого и назначили персональным гидом.

– Вы считаете этих грязных и вонючих дикарей, что моются раз в год, хорошими воинами, мон шер ами?

Майор искренне изумился, продолжая с нескрываемым интересом разглядывать стоящих на том берегу на удивление рыжеволосых бородатых горцев в потрепанных и грязных черкесах.

Чеченцы игнорировали колодцы, не желая работать воротом или «журавлем», и гоняли своих коней на водопой прямо к реке, не обращая ни малейшего внимания на пушечные и пулеметные стволы, которыми щетинился противоположный берег.

Да еще громко орали при этом, презрительно посматривая на румын, которым такая наглость очень не нравилась. Но поневоле приходилось терпеть столь вызывающее поведение, так как на этот счет имелось весьма строгое указание из военного министерства.

– Я думаю, русские просто испытывают острую нужду в настоящих солдатах, оттого и набрали эти типажи. Их даже обмундировывать не стали, ходят как оборванцы! И никакого понятия о культуре! Сопли пальцами вытирают, фи, какая мерзость и мерде... О! Мой дорогой друг, они снова делают нам неприличные жесты!

– Такие у них нравы, месье майор! Очень опасные враги. Я видел в бою «Дикую дивизию», эти туземцы боготворят русского царя. – Григулеску, хотя и ненавидел русских, но относился к ним с опаскою и не стеснялся выказывать, как офицеру надлежит, уважение к врагу. За что подвергался насмешкам со стороны сослуживцев.

И осторожно добавил:

– Мы должны с этим считаться...

– Да бросьте вы, мой дорогой друг, – бравый майор покровительственно хлопнул Константина по плечу, которого несколько покорило от такой бесцеремонности.

– Никто с ними сейчас не считается. Это ж азиаты, так про... ть собственную победу могли только русские! Так что нынче в Версале с ними никто не считается, я это повторю еще раз! Несерьезно!

Григулеску не стал возражать, хотя его и подмывало это сделать. Политики из Антанты могут не считаться с Россией, но он здесь, на берегу Днестра, не может такого позволить. Как и генералы, которые презрительно хмыкают, но почему-то держат против трех русских дивизий девять. Увеличили бы армию еще, желательно вдвое, но очень подозрительно завозились венгры с болгарами, передвигая свои куцые войска поближе к румынской границе. А это наводило на грустные мысли...

– Я же говорю – у них нет хороших солдат! Смотрите на этих вояк, капитан! Нагими ходят! Наверное, пропили свое обмундирование?! Мне говорили, что русские весьма склонны к пьянству!

Чуть в стороне от чеченцев на берег реки вышла странная тройца – один был в черной униформе с черно-красными погонами корниловской дивизии, судя по широкому желтому галуну – фельдфебель, а двое других щеголяли в одних только синих, до колен, трусах.

Новоявленные нудисты бросили на бережок мешок и живо залегли за бугорки. То же самое сделал и заслуженный унтер, но предварительно бросил в воду некий черный предмет, похожий на бутылку, сделав перед этим с ним какие-то манипуляции.

Григулеску сразу догадался, что произойдет, благо три года назад видел подобное на Пруте – русские неисправимы. А потому голосом всезнающего знатока произнес:

– Они ловят рыбу, мой майор!

– Ловят?!

– Не удивляйтесь, они ее глушат!

– Как это глушат?!

Граната негромко ухнула, и на синей речной глади подлетел вверх небольшой столбик взбаламученной воды, и всплыли несколько крупных серебристых тушек, за которыми ринулись два нагих солдата.

Вояки шустро хватали оглушенную взрывом рыбу и выкидывали ее на берег. Фельдфебель спокойно скидывал улов в мешок, покуривая при этом папиросу. Чеченцы стали одобительно размахивать руками и снова принялись делать крайне непочтительные жесты.

– Какие милые варвары! Я говорю не о детях гор, капитан, а о солдатах! И вы говорите, что нужно считаться со страной, где солдаты вынуждены добывать себе пропитание столь неприглядными способами! Да у нас бы любой ажан мигом бы запретил подобные развлечения, вздумай кто-нибудь добывать вот таким способом рыбу в Луаре, Сене или Роне.

Нет, какие милые варвары! А знаете что, капитан?! Давайте им немного поможем, а заодно заключим с вами пари!

– Я что-то не пойму вас, мой майор! – Григулеску посмотрел на француза, совершенно искренне недоумевая, что тот ему сказал. – Кому мы поможем? И какое заключим с вами пари?

– Это все просто, мой дорогой друг, – быстро затараторил Пишон, энергично жестикулируя. – У вас в окопе бомбомет – выпалим ровно на середину реки, напротив туземцев. Пусть русские собирают свою рыбу – бомба ведь мощнее ручной гранаты, там ведь килограмм десять шнейдерита. А кавказцы будут нашим пари.

– Они-то при чем, мой майор? И как, позвольте узнать, я объясню генералу выстрел?

– Вы сказали, что эти туземцы хорошие воины, а я считаю, что они разбегутся после взрыва, – майор хищно улыбнулся. – А вашему генералу я сам скажу, что бомбомет был заряжен, но выстрел произошел непроизвольно, совершенно случайно, такое сплошь и рядом происходит. Это всего лишь милая шутка, чисто в парижском духе, капитан, и ничего больше. А пари мы заключим на две бутылки коньяка. Согласны вы на это небольшое развлечение, капитан?

– Принимаю, – после недолгой паузы отозвался Григулеску. Действительно – оправдание есть, да и сами русские только что гранатой рыбу глушили. Им и такое будет в развлечение. Совершенно невинная шутка в истинно французском стиле, никак не больше.

И, повернувшись к окопу, капитан негромко отдал приказ фейерверкеру, продолжая стоять рядом с майором, и с растущим нетерпением ожидая выстрела.

Шва-х!!!

Бомбомет оглушительно рыкнул, и большой оперенный заряд взлетел в воздух. К великому изумлению Григулеску, бомба пошла по совершенно пологой, а не крутой траектории, как он ожидал.

«Фейерверкер ошибся, или порохового заряда засыпали много», – машинально отметил капитан, и тут же с ужасом, от которого волосы встали дыбом, осознал, что сейчас произойдет. Оттого продолжал стоять молча, без звука разевая рот, словно вынутая на берег рыба.

Швам-с!

Посредине коней и гогочущих горцев взметнулся султан черного дыма и багрового пламени, взлетели на воздух комья земли, разорванная лошадиная требуха и людские ошметки.

– Прах подери!

Капитан не обратил внимания на веселое ругательство жизнерадостного француза только потому, что остолбенел от увиденного, проклиная ту секунду, в которую он отдал столь необдуманный приказ.

– Я выиграл пари, мон шер ами, – как ни в чем не бывало произнес майор, указывая рукой на противоположный берег. – Никчемные вояки, ничем не лучше курдов, которых мы стреляли в Сирии. Они бегут за лошадьми следом и кричат от страха!

– Они бегут за винтовками, остолоп, – впервые капитан дал волю своим истинным чувствам, с ужасом глядя на обезумевших от гнева горцев, – и орут в ярости. Ой, что сейчас начнется... что начнется...

Последнюю фразу Григулеску уже не выкрикнул, а прошептал, бросаясь в окоп и стремясь поплотнее прижаться к земляной стенке. А сверху донесся раздраженный, полный негодования голос Пишона:

– Вы кого осмелились назвать остол...

Слово оборвалось на первом выстреле, а затем стрельба началась просто бешеная, но пока из винтовок. И тут сверху в окоп на румынского капитана свалилось тело легкомыс-

ленного француза с разmozженной головой. Светлая ткань кителя была окрашена густыми кровавыми пятнами.

– Идиот! И я... Какой же я болван!

Попрощавшись с союзником напутственным словом, а заодно выругав себя, капитан стал вслушиваться в разгорающуюся не на шутку перестрелку.

Вот с румынской стороны стали ответно палить из винтовок, солдаты что-то орали, затем захлопали бомбометы и несерьезно твякнула, как собачка в руках пожилой графини, известной во всем Букарешти, что пережила уже двух королей, полуторадюймовая траншейная пушка.

С русской стороны басовитую трель начал пулемет, выпустив без паузы всю ленту. И тут же в смертельный хор включились другие, гоня свинцовый ветер на правый берег.

В ответ немедленно рывкнули 75-мм французские пушки. «Скорострелки» посылали снаряд за снарядом, желая задавить огнем поставленной на удар шрапнели многочисленные пулеметные гнезда русских. И им это удалось!

Капитан, слушая их хриплое смертоносное дыхание, с удовлетворением выдохнул воздух. Огонь корниловцев стал затихать, и это понятно – против пушек стрелковое вооружение как-то не тянет.

Шкун-с!

Но тут земля под Григулеску содрогнулась, и он, подкинутый на дне траншеи, прикусил язык. Затем мощные взрывы последовали один за другим, а шелестящий и знакомый до ужаса звук тяжелых «чемоданов», казалось, заполонил весь воздух и, ломая барабанные перепонки, стал безжалостно вламываться в застывший от ужаса ожидания смерти мозг.

«Шестидюймовые мортиры?! Когда же их поставили? Осталось только молиться!»

Капитан в диком страхе цепко припал к земле, как дите к материнской груди, при этом постоянно поминая молитвы и ругаясь самыми черными словами в адрес французского недотепы-майора, чья идиотская шутка в исполнении еще большего неумехи румынского фейерверкера привела к самой настоящей войне...

Глава первая

Вот хозяин гасит свечи...(3 октября 1920 года)

Одесса

— Ваше величество, мы сделали все, что было в наших силах, но такие раны очень тяжелые, зачастую с жизнью несовместимые...

Тихий, с толикой равнодушного профессионального сочувствия, голос лейб-медика стопудовой тяжестью обрушился на Михаила Александровича, и он чуть ли не рухнул на мягкий диван.

Император не раз видел смерть, командуя на фронте знаменитой «Дикой дивизией», и потому, хоть яростно надеялся на чудесное исцеление генерала Арчегова усилиями самых лучших врачей, которых только смогли собрать в городе, умом прекрасно понимал, что ранение сразу двумя пулями в голову почти всегда смертельно.

«Были друзья, честные, искренние, за два месяца обоих одним махом лишился. Вначале Семена потерял, теперь Костю следом! Словно самому две руки отрубили!»

От пронзительного приступа отчаяния Михаил Александрович закрипел зубами и чуть слышно простонал.

Два его генерал-адъютанта были людьми абсолютно разными и по характеру, и по взглядам, но их судьбу объединяло мистическое, почти сказочное прошлое, вернее будущее. По какому-то невероятному или безумному, что зачастую одно и то же, стечению чудесных обстоятельств оба были «выдернуты» из своего времени.

Семен Федотович Фомин, ровесник века и, как ни странно, крестный сын самого царя, с того времени, когда тот был еще великим князем и получил в удел от своего старшего брата императора Николая II поместье Брасово, что на Брянщине.

В далеком 1943 году, спрятавшись в пещере под Поганкиным Камнем, что стоял посередине непроходимого болота, месте насквозь колдовском еще со времен седых волхвов, он очутился с друзьями в июне 1918 года в Перми. И спас там Михаила Александровича от расстрела, который уготовили последнему российскому императору местные чекисты. В последнюю минуту увез от расправы, хотя потерял в схватках всех своих людей, за исключением Шмайсера.

Последний, которому так безоглядно верили и Фомин, и сам Михаил, на самом деле оказался агентом германской разведки Абвера, изрядной сволочью и мерзавцем, но ставший флигель-адъютантом.

Воспользовавшись абсолютным доверием царя, он попытался устроить в мае военный переворот в Иркутске, с взятием под арест Сибирского правительства.

Именно за участие в этой совершенно ненужной, безумной затее заплатил самой страшной ценою, своей жизнью, Семен Федотович, которого второй генерал-адъютант монарха, Константин Иванович Арчегов, сибирский военный министр, прямо-таки заставил совершить жуткое самоубийство самосожжением.

Понятно, что огласки столь неприятное дело не получило, замаяли самым тщательным образом. Во всех газетах поместили хвалебные некрологи в память погибшего от рук эсеровских боевиков генерала, благо на террористов, убивших в январе министра внутренних дел Яковлева, можно было списать многое, если не все.

На похоронах Фомина Михаил Александрович не мог присутствовать, он вместе с Арчеговым выехал в Омск. Да и сам премьер-министр Петр Васильевич Вологодский, прекрасно зная истинную подоплеку событий, настоял на их немедленном отъезде из Иркутска.

Константин Иванович Ермаков родился через шестьдесят один год после Фомина. Отставной подполковник спецназа, прошедший многие «горячие точки» 1980–1990 годов, от Афганистана до Чечни, разбитый ранами и болезнями инвалид, он тоже оказался не в своем времени, в декабре 1919 года на Кругобайкальской железной дороге.

В отличие от Фомина, который «перенесся» телесно, душа и разум Ермакова в результате шаманского камлания в священном для бурят месте на берегу озера Байкал оказались в теле спившегося ротмистра Арчегова, его полного тезки, что командовал дивизионом бронепоездов в войсках «забайкальского властелина» атамана Семенова.

Время было крайне тяжелым – Белое движение в Сибири агонизировало, а Верховный правитель адмирал Колчак с золотым запасом фактически был взят чехами под арест.

Армия волжского героя генерала Каппеля медленно продвигалась к Красноярску, оставляя в пути сотни замерзших эшелонов, тысячи умерших и больных, а в Иркутске, в довершение трагедии, подняли восстание эсеры, организовав Политцентр.

Все могло произойти как в реальной истории!

Чешские интервенты тогда отдали золото большевикам за беспрепятственный пропуск своих многочисленных эшелонов, набитых под завязку награбленным в России добром, длинной лентой обожравшегося удава вытянувшихся на Транссибе.

Остатки армии генерала Каппеля с невероятными трудностями добрались до Читы, потеряв в ледяном походе своего командующего. Адмирала Колчака красные расстреляли прямо на льду в устье реки Ушаковки, что впадает в Ангару, и скинули труп в прорубь.

Так бы все и произошло, если бы ни одно но...

В теле ротмистра Арчегова оказался другой человек, офицер с боевым опытом не начала, а конца XX века, а ведь это совсем иное дело.

Бронепоезда вместо бесцельного стояния на путях стремительно рванулись на Иркутск, захватив стратегически важные туннели Кругобайкальской железной дороги, а затем прорвались к Иркутску, нанеся поражение чехам и разгромив воинство Политцентра.

И тут маховик истории, бешено раскрутившийся, пошел в противоположную сторону, меняя картину привычной истории.

К власти было возвращено Сибирское правительство Петра Васильевича Вологодского, распущенное годом ранее в угоду формирования Всероссийской Директории, в которой заседали эсеры, отодвинутые потом от власти военным переворотом, приведшим на пост Верховного Правителя адмирала Колчака.

Произведенный в полковники Арчегов был назначен командующим спешно формируемой Сибирской армии, которая немедленно начала наступление на Красноярск, соединившись там с отступавшими войсками генерал-лейтенанта Каппеля.

Зарвавшиеся в безостановочном наступлении дивизии 5-й Красной армии латыша Эйхе были по частям, одна за другой, безжалостно разгромлены перешедшими в контратаку белыми и сибиряками, которые одним рывком дошли до самого Омска.

И эта победа тут же аукнулась и на юге России. Войска генерала Деникина, с донскими и кубанскими казаками, откатившиеся от Тулы до Черного моря, получив известие о чудесном воцарении Михаила Александровича и о победном марше сибиряков обратно к уральским горам, воспрянули духом. И стали искать спасения не в панической эвакуации из Новороссийска в Крым или Турцию, а в яростном отстаивании оборонительных позиций по Дону и Маныче. А там удержались, кое-где перейдя в решительное контрнаступление против зарвавшихся красных.

История изменилась – большевики рано начали праздновать победу, тем горше для них стали поражения. Власть СНК зашаталась, и, чтобы выиграть время для собирания свежих сил, Ленин и Троцкий пошли на заключение перемирия, тем самым боевые действия были остановлены, и армия Деникина удержалась на юге России.

История несчастной страны приняла совсем иной характер, чем тот, о котором Арчegov-Ермаков рассказывал воскресшему от смерти последнему российскому императору.

Все обернулось как нельзя к лучшему, словно в чудесной сказке со счастливым концом. Михаил Александрович искренне надеялся, что энергичный военный министр Сибирского правительства и инспектор ВСЮР продолжит свою кипучую деятельность, а тут раздались эти предательские выстрелы, оборвавшие его жизнь.

В такой момент!

Информацию о покушении пока удалось если не замять, то локализовать. Сдерживая порыв немедленно бежать к смертельно раненному генералу, Михаил Александрович продолжал спокойно восседать в ложе рядом с греческим королем, переговоры с которым и без того потрепали нервы и отняли много сил, со свитой и высокопоставленным окружением.

Он даже натянуто улыбался ставшими резиновыми губами, с деланным весельем шутил, продолжал вести беседу со своим венценосным кузеном. И кое-как дождался конца оперы, но даже и тогда сдержал в себе растущую снежным комом в душе тревогу.

Чинно попрощавшись с греческим королем и его свитой, он бросился на автомобиле в госпиталь, получив по пути известие о вспыхнувшей по Днестру перестрелке между русскими и румынскими войсками...

«Господи милостивый! Что же я скажу Нине Юрьевне?! Что я ей смогу сказать?!»

Вспомнив о жене Арчегова, что, по сути, спасла ему жизнь, император похолодел, чувствуя, как волосы встают дыбом. Женщина должна была родить на днях, а столь жестокое известие ни в коем случае не должно быть получено в Иркутске.

Михаил Александрович стряхнул с себя отупение, вызванное столь тяжелой утратой, собрал в кулак душевные силы и решил немедленно отдать нужные распоряжения.

– Удивительно крепкий и живучий организм, я такого еще не видел, ваше величество...

Голос лейб-медика чуточку дрожал, и именно эта интонация встряхнула изумленного монарха, и он мгновенно потерял хваленую, вбитую за годы жизни в Англии, где великий князь оказался в ссылке за морганатический брак с Натальей Шереметьевской, выдержку.

– Так Костя жив?!

Голос на высокой ноте сорвался в петушиный клекот, а цепкие пальцы монарха, мертвой хваткой вцепившись в сюртук, крепко трянули изумленного таким поведением врача.

– Так он жив?!

Михаил Александрович чуть ли не кричал и в волнении перешел на «ты», чего он никогда не делал.

– Да не молчи ты, Алексей Владимирович, не молчи, ради бога! Генерал жив, я тебя спрашиваю?!

– Вы сильно переживали, задумались, государь, а потому совершенно не слушали меня, – доктор плавным, но сильным нажатием ладоней освободился от крепкого захвата.

– Я же говорил вам, что состояние раненого крайне тяжелое, но стабильное. И если в течение трех дней не последует летального исхода, то мы можем, государь, надеяться на лучшее.

– Слава Господи!

Михаил Александрович истово перекрестился на икону и тут же надел на врача, спрашивая того с прорвавшейся в голосе, и безумной в своей горячности, надеждою.

– Он может поправиться?!

– Вероятно, но об этом говорить преждевременно. Константин Иванович сейчас без сознания, возможно, это и к лучшему... Но если он впадет в кому, то последствия могут быть самыми печальными, – глаза врача сверкнули и в нем неожиданно прорезался обычный человек. – Хотя куда же хуже, и так за жизнь, почитай, одним только мизинцем уцепился,

даже ногтем, если говорить честно. Удивительно живучий организм, другой бы давно прекратил функционирование...

– Я хочу немедленно взглянуть...

– Пойдемте, государь, я проведу вас к нему! Пойдемте!

Доктор ответил без промедления, стало ясно, что именно с этим предложением он сюда и пришел.

Михаил Александрович тяжело вздохнул и решительно пошел к двери – страшных слов не было произнесено, но вот то, что ему, пусть косвенно, предложили посмотреть на тяжело раненного друга, более походило на прощание...

Бендеры

– Господа! Этого часа наш незабвенный Михаил Гордеевич, царствие ему небесное, давно ждал!

Командующий знаменитой Дроздовской ударной дивизии, что вместе с Корниловской, Марковской и Алексеевской составляла главную силу белой армии, генерал-майор Антон Васильевич Туркул размахисто, по православному истово перекрестился.

Собравшиеся рядом с комдивом, которому исполнилось только 28 лет, столь же молодые и энергичные командиры полков и штабные офицеры также осенили себя крестным знаменiem и тут же надели фуражки с малиновой тульей и белым околышем, единственные по своему цвету во всей возрожденной русской императорской армии.

Специфическую, отличную от других форму, имели только эти четыре дивизии, получившие уважительное наименование «цветных». Яростный напор «добровольцев», кроме лютой ненависти, всегда вызывал у красных нешуточный страх и почтение.

И было от чего...

Начало формированию добровольческих частей в русской армии положил революционный 1917 год, приведший к всеобщему разложению пятимиллионной русской армии – мужики в солдатских шинелях отказывались воевать, митинговали и дезертировали.

Первым из оставшихся верными присяге офицеров и солдат по приказу главнокомандующего Лавра Георгиевича Корнилова был сформирован 1-й ударный полк, получивший вскоре имя генерала, а также черную униформу с черно-красными погонами и такими же фуражками. На рукавах корниловцы носили эмблему «Адамовой головы», символа бессмертия.

Во всей русской армии подобного знака чести и воинской доблести за всю более чем двухвековую историю было удостоено только две части – знаменитые Александрийские «гусары бессмертия» и прославившийся в Кавказской войне против легендарного имама Шамиля 17-й Донской генерала Бакланова казачий полк.

Первые три добровольческих офицерских полка новоявленной белой армии, развернутые в 1919 году в дивизии, получили имена генералов «первопроходников», то есть отправившихся в «Ледяной поход» добровольцев из Ростова на Кубань.

Кроме корниловцев там отличился 2-й офицерский полк генерала Маркова, получивший его имя после совершенно нелепой гибели своего командира, убитого разрывом последнего снаряда, выпущенным красным бронепоездом. Марковцы имели точно такую же униформу, что и корниловцы, только погоны и околыш фуражки были чисто черными, а тулья белой.

Из студентов, кадетов, реалистов и прочей молодежи был сформирован в 1918 году генералом Михаилом Васильевичем Алексеевым, бывшим почти всю мировую войну начальником штаба Верховного Главнокомандующего императора Николая II, еще один полк, также получивший имя своего шефа, вскоре умершего от тягот «ледового похода», но дождавшегося полного освобождения Кубани от большевиков.

Алексеевцы носили обычную защитную форму (как и корниловцы с марковцами в боях, ибо черное обмундирование сильно демаскировало, да и обходилось оно намного дороже) с синими погонами, символизировавшими именно учащих, из которых и был собственно сформирован полк, да цветных фуражек с белой тульей и синим околышем.

В начале 1918 года полковник Дроздовский, жаждая отомстить за позорный мир в Бресте и начать войну с большевиками, которых обоснованно считал предателями и германскими наймитами, собрал на Румынском фронте две тысячи офицеров, пожелавших принять участие в белой борьбе.

Однако румыны, страшась раздражить надвигающиеся по Украине германские войска, решили разоружить немногочисленный белогвардейский отряд, подкрепив свои действия сразу двумя дивизиями. Впрочем, такая угроза могла напугать разложенные революцией толпы бесчинствующих солдат, но не спянных общим желанием и присягой, прошедших через горнило боев русских офицеров.

Вооруженное столкновение между бывшими союзниками даже толком не началось, как румыны, имевшие удивительное чувство предвидеть возможные неприятности и почувствовав запах жареного, немедленно пропустили добровольцев за Днестр.

Отряд стремительно прошел по территории охваченной пламенем всеобщей войны всех против всех Украины, наполненной всякими «батками» и бандами.

Пару раз добровольцы сцепились с наступавшими германцами и неоднократно громили красновардейские отряды. Так с боями 3-й офицерский полк дошел до Кубани, где получил малиновые погоны – цвет стрелковых частей русской армии, и славное имя шефа, умершего от случайной раны, вроде и не опасной, но заражение крови оказалось для молодого генерала фатальным.

Во все добровольческие дивизии стекался цвет русского офицерства, а потому, несмотря на потери, ударные качества и боеспособность, оставались на высоком уровне. Да и солдаты служили в них охотнее – одно дело чувствовать себя пулеметчиком или связистом офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка, или служить в обычном номерном Белостокском пехотном полку.

В последнем даже полного батальона за все время гражданской войны не набиралось, несмотря на все отчаянные старания немногих уцелевших «патриотов», стремящихся возродить свою часть.

Генерал Туркул, всем сердцем любя свою дивизию, пройдя с ней огонь и воду, прекрасно понимал, что только одними «цветными» дивизиями победить красных невозможно. Потому в последнее время сам отбирал и отправлял лучших дроздовцев в спешно формируемые части новой русской армии, снова ставшей императорской, хотя официально Михаил Александрович еще не короновался на престол.

Полгода мирной службы преобразили его дивизию, как и другие – времени оказалось более чем достаточно, чтобы спаять подразделения, достичь высокой выучки солдат и офицеров.

Хотя в результате реорганизации один полк был переформирован в запасной, а другие сокращены не просто на четверть, но и на четвертые роты в каждом из трех оставшихся батальонов. Потому численность нынешней дивизии стала намного меньше, чем было солдат в довоенных бригадах по штату, но вот в боевых качествах своих подчиненных генерал нисколько не сомневался.

Более того, сейчас Туркул, как и все его офицеры, жаждал, чтобы дивизия поскорее вступила в бой и полностью оплатила бы сторицей румынам старые счета...

Новороссийск

– Знаешь, мое сердечко, я очень рада, что ты, наконец, не только получил свои танки, но и выгрузил их на берег.

Маша немного повозилась, удобнее устраивая свою голову на его плече. Семен тут же уткнул свой нос в ее пышные, пахнувшие ромашкой волосы, вздыхая будоражащий запах любимой жены.

Та, словно почувствовав кипение его не остуженной прожитыми годами крови, шаловливо поцарапала ноготком грудь мужа, но тут же хлопнула теплой ладошкой, как бы показывая, что всему свое время.

– Плохо, конечно, получилось, что мы сразу к батюшке в Новочеркасск не поехали.

– Но я должен был принять танки. Маша. Ведь это...

– Да понимаю я, – жена крепко придержала ладонью плечо вскинувшегося на кровати Семена. – Что такое воинская служба, я сама прекрасно знаю, забыл, чай, что казачку взял. Мы через три дня все равно поедем на Дон, с танками твоими. Ты же в Ростове с ними будешь на расквартировании, а оттуда до Новочеркасска рукою подать – погостим у батюшки, слава богу, там сейчас мирно. Зато ты под свое начало целый отряд этих бронированных монстров получил, пусть три дня тебя в супружеской постели не видела, днем и ночью на причале пропадал, горе ты мое!

Семен вздохнул с облегчением, вспомнив эти кошмарные дни и ночи, когда прибывший в порт английский транспорт спешно освобождали от тяжелой бронетехники.

Это ведь не шутка, за столь короткий срок вытащить из трюма плавучим краном много-тонный танк, поставить его на железнодорожную платформу да еще качественно там укрепить. Заодно выгрузить и снова погрузить запасные части, автоцистерны, вооружение, боеприпасы, гусеничные ленты и множество других комплектующих, без которых танковый отряд просто воевать не сможет.

– Я за тебя теперь полностью спокойна, суженый мой...

Маша нежно погладила его по животу, крепче прижалась горячей щекою к предплечью.

– Это какой-то гремящий ужас на гусеницах. Настоящая, стальная крепость. Большая, страшная. Мой папа раньше и помыслить не мог, что на смену казачьим коням придут такие монстры!

– Броня крепка и танки наши быстры...

Семен промурлыкал в нежное ушко слова неизвестной пока здесь песни. Разубеждать жену не стал, только поддакивал, пусть у нее сердечко за него не беспокоится.

Вот только мысли, настоящие, потаенные, что про действительную немощность танков ведали, держал в голове. Незачем знать девчужке, что броня этих «крепостей» обычной пулей может пробиваться с борта, правда, в упор, и даже шрапнель, поставленная на удар, броню в полдюйма проламывает с легкостью.

А там все – хана!

В этих допотопных танках баки расположены неудачно, горючего много, и пары бензина постоянно просачиваются. Это ж не дизельный Т-34, тут сравнивать нечего!

– Ты ведь раньше на них воевал, Сеня?

– Воевать не приходилось, Машенька. Я с двадцать пятого года был в автотанковый полк переведен. Те же «Риккардо» были, «Тейлоры», да потом на наши МС-1 пересел, эти с французских «Рено» были скопированы, только в башне дополнительно пулемет установили к пушке.

– С двадцать пятого, – протянула жена и прижалась еще теснее, хотя и так обнимала крепко. – Не могу привыкнуть, что ты побывал уже в будущем и обратно вернулся. Интересно ведь...

– Ничего интересного, – резче, чем хотелось бы, отрезал Фомин, ставший по собственному желанию Ермаковым, когда его, обезображенного, держали взаперти в госпитале.

И надо же такому случиться, что в поезде он встретил будущую жену, оказавшуюся не просто однофамильцем, но и бабушкой настоящего Ермакова, что стал в этом времени генералом Арчegovым.

Бабушкой, которая еще первого ребенка под сердцем не носила – вот какая гримаса истории и временного перелома.

– Ты свой танк выбрал?

Маша, как истовая дочь и жена офицера, всегда старалась быть в курсе военного дела. Потому все эти дни с пристани не уходила, при молчаливом попустительстве офицеров отряда, что с нескрываемым обожанием смотрели на третью полковую даму и сочувственно поглядывали на ее сильно обгоревшего мужа. Вот о таких бедах, что несла на себе служба в броневых частях, все дружно помалкивали, дабы уберечь нервы любимых женщин.

– МК-5 «Композит», – сразу ответил Фомин. – Я на нем прошлый раз служил, только мы его только «Риккардо» по марке двигателя называли. А МК-В тот же ромб, только несколько меньше, и вооружен одними пулеметами. И броня у него тоньше, да и не знаю я его толком. Служить раньше не приходилось на таком.

– А почему ты его «комполитом» назвал?

– Англичане свои танки либо пушками вооружали, либо пулеметами. Первые именовали «самцами», а вторые «самками», – совершил экскурс в историю танка Семен Федотович, окончивший в свое время военную академию имени Фрунзе.

– Вот только весной 1918 года «женщины» на германские танки, а те вообще сараи на гусеницах, напоролись и были расстреляны из пушек. С того боя британцы и стали тасовать вооружение, с «самцов» по одной пушке снимая, чтоб у всех танков хотя бы по одной пушке было, дабы в случае схватки с «панцером» за себя постоять.

– «Самцы» и «самки», – медленно протянула Маша, как бы пробуя языком слова. – А ведь удивительно точно подмечено. Орудия бьют редко, но сильно, а пулеметы часто молотят, тараторят, как крестьянки у «журавля». А вот с «комполитом» как-то не так вышло, нехорошо. Мудреное такое название, язык сломаешь.

– Танкисты термин сей не используют, – усмехнулся Фомин. – Я твой слух берег. А так эти танки иначе называют, по-простому. Даже присказка такая у нас есть, прости за бранное слово – «пятый марк» гермафродит, сам е... ся и родит!

– Остряки вы, право слово, – Маша хмыкнула, а потом, не в силах сдерживаться, жизнерадостно засмеялась. Затем ударила его кулачком по груди. – Ложись спать! Старый ты развратник... гусеничных траков! Придумали же от безделья!

– Ложусь, – покорно согласился Фомин, поглаживая плечо жены. – Но про твою остроту офицерам расскажу, они будут довольны такой характеристикой, особенно мехводы. Коротко, емко и сугубо по-нашему! Даже в ругани танкистом становишься, лада моя. По ученому выражаясь, сие есть профессиональная деформация. Налицо-с!

– С кем поведешься, – огрызнулась Маша, но Фомин остановил женушку, несколько извратив известное изречение, нагло позаимствованное у того же Арчegovа:

– От того и забеременеешь...

– Охальник!

Жена потянулась к его губам, но тут же шлепнула по мужским ладоням, что сжали ее горячее тело и стали ласкать с все возрастающей теплотой, от которой возбуждение струями стало разливаться по молодому женскому телу.

– Нет, в наказание вам, милостивый государь, за неучтивые речи, будет положено послушание. А потому лечь смирно, и руки по швам... А то смотрю распустили не только... язык... Ах...

Одесса

– Ваше величество, предлагаю назначить генерал-майора Слащева командующим 1-м ударным корпусом, вместо погибшего генерала Казановича. На нем он принесет больше пользы!

– Даже так? Почему вы так считаете, Александр Павлович, позвольте осведомиться? – С наигранным удивлением произнес Михаил Александрович, задумчиво глядя на жесткое волевое лицо военного министра.

Кутепов специально холил и лелеял пышную бородку, которая умышленно старила еще молодого, не перешагнувшего сорокалетний рубеж мужчину.

– Он превосходный тактик, государь, но военный администратор никудышный. Я считаю, что ваш генерал-адъютант, как инспектор вооруженных сил, совершил ошибку, свойственную его... гхм... возрасту, добившись данного назначения. Может быть, это и принесло плоды, но сейчас мы стоим перед выбором – или вести боевые действия, или дипломатическими мерами урегулировать Бессарабский конфликт.

– Судя по вашему настойчивому предложению, вы сторонник первого решения?

– Я считаю, что Россия должна быть едина и неделима, государь. Только в этом будет ее величие. И скажу честно – не разделяю некоторых новых, скажем так, веяний в нашей политике!

– Вы имеете в виду Сибирь?

– Не только, ваше величество, – генерал смотрел твердым неуклонным взглядом человека, решившего идти до конца. – Есть еще и казачьи образования, и какая-то буферная «Уральская республика». Я не возражаю против независимости Финляндии и Польши, но «союзыники» нам навязали признание прибалтийских лимитрофов, стали раздирать Россию на куски. Хорошо, что с Закавказьем удалось все решить жестко и за достаточно короткий срок. Но главное – большевики до сих пор сидят в Москве, заняли Варшаву и уже в Берлине. И любое промедление приведет к тому, что вся Европа попадет под власть красных. Государь, мы рискуем оказаться в гибельном положении...

– Вы военный министр, Александр Павлович, или политик?! – в голосе монарха звякнула сталь. – Вы вторгаетесь в область, принадлежащую не вашей компетенции!

– Я готов немедленно подать в отставку, ваше императорское величество! Могу командовать корпусом, дивизией, бригадой. Приму даже полк или батальон!

– Вашу отставку не принимаю, ибо началась война, – уже мягче произнес Михаил Александрович, очень довольный началом разговора. Жесткий, но «недалекий», как сказал о нем Арчegov, военный министр как нельзя более подходил для своего поста.

Происхождения Кутепов самого захудалого, первое образование хотел получить чуть ли не в межевом институте и работать по землеустройству, но одумался и поступил в военное училище, а война с Японией окончательно сделала из него кадрового военного.

Образцовый служака, абсолютно без связей, что пронизывали весь аппарат прогнившей империи и царский двор, он честно прошагал через все ступени военной службы, закончив войну с германцами командиром самого старейшего и уважаемого полка русской армии, сформированного еще Петром Великим в качестве «потешного» – лейб-гвардии Преображенского.

Снимать Александра Павловича со своего поста было крайне неразумно, хотя приносило лично Михаилу Александровичу массу неудобств – приходилось отбиваться от массированных атак различных ходатаев, ибо очистку новых «авгиевых конюшен», в которые окончательно превратилась генеральская среда, мог провести только этот генерал – решительно, безжалостно и бескомпромиссно.

Вот только выполняя с Арчegovым, по сути, одну работу для будущего оздоровления России и ее армии, генералы не сошлись характерами. А потому именно сейчас было необходимо немного осветить ситуацию, раскрыть частицу давно вынашиваемых планов.

«Нет, не политик Александр Павлович, но тем лучше. Не заметит того, о чем мне придется умолчать!»

Михаил Александрович вытащил из цветной коробки душистую турецкую папиросу и неторопливо закурил ее, краем глаза продолжая наблюдать за генералом. Тот стоял молча, по-уставному прижав ладони к красным двурядным лампасам.

– Война с большевиками абсолютна не нужна, генерал. Незачем вести, ибо мы ее уже выиграли! Да-да, победили, милейший Александр Павлович, не сделав с марта месяца ни одного выстрела и не пролив даже капли крови наших солдат. Я имею в виду совместную с Совдепией условную демаркационную линию.

Михаил Александрович мысленно хмыкнул, глядя на оторопелое лицо военного министра. Тот только часто моргал глазами и чуть потряс головою, будто не поверил тому, что только сейчас услышал.

– Генерал Арчегов абсолютно прав, когда заметил, что большевики сами себя погубят! Нужно только дать им возможность устроить мировую революцию, которая окончательно обессилит Красную армию, обескровит экономику, которая и так пребывает в разрухе, и окончательно восстановит против них все население. У нас задача простая – ждать и терпеть, обустривать как можно лучше мирную жизнь народа, не ввязываясь в военные авантюры. И тем самым выиграть время и сохранить при этом армию полностью готовой к будущему освободительному походу.

– Вы хотите сказать, ваше величество, – лицо Кутепова покраснелось за секунду, голос чуть дрогнул, – что все эти соглашения с большевиками, которые заключил...

– Фарс, не больше, чем клочок бумажки, который сами большевики могут порвать в любое время. Так же как и я, впрочем. Но сейчас мы и так все получили – четыре пятых России собраны под моим скипетром. Уже имеем дело с почти единой и неделимой страной, которая станет великой, поверьте мне на слово, генерал, и очень скоро. Раньше, чем можно было бы рассчитывать. И притом что нового собирания русских земель пока никто не заметил. Ни Антанта, ни заклятые враги большевики, ни наши другие явные или тайные недруги.

– А Сибирь, а Закавказье?! Казачьи войска?

Кутепов с оскорбленным недоумением посмотрел на монарха, как бы спрашивая того – «что вы обманываете, ваше величество, зачем вы мне пыль в глаза пускаете».

– Россия стала другой, генерал, совсем другой! И к прошлому возврата нет, никогда уже не будет! Сейчас мы должны самым решительным образом освободиться от всего того, что может привнести гниль в государственный организм, каленым железом отсечь все ненужное и вредное. Мы уже оздоровили армию и флот, избавившись от сановитых бездельников и интриганов. Разве не так, Александр Павлович?

– Не совсем, ваше величество. Но я как военный министр доведу реформирование самыми жесткими методами, как вы мне и повелели! – голос генерала звучал твердо, но глаза продолжали смотреть с немым требованием – «вы так и не ответили на мой вопрос, ваше величество».

– Сейчас правила игры несколько изменились, самодержавия больше не будет. Мы должны учитывать изменения, принесенные революцией и сложившейся политической ситуацией. Австралия и Канада имеют статус доминионов, но это не мешает состоять им в Британской империи. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Так точно, ваше величество!

Лицо генерала прояснилось, и Михаил Александрович уже мягче добавил, с лукавой улыбкой:

– Туркестанские властители давно находятся под протекторатом России, но нам разве мешал их статус? Так что, генерал, можете поверить мне на слово, что нашу державу ждет несравненно лучшее будущее. Так что занимайтесь своим делом, за политику и дипломатию

есть кому отвечать. Тем более что у нас война, а мы тут с вами о каких-то отдаленных перспективах рассуждаем!

– Так точно, ваше величество! Виноват!

– Войну с Румынией мы ожидали и заблаговременно приняли меры. К сожалению, нам просто не хватило времени. Не успели начать переброску войск, – император тяжело вздохнул и насупился, сведя у переносицы брови. Ему сейчас очень не хватало своего язвительного, но чрезвычайно предусмотрительного генерал-адъютанта.

– Займемся нашим прямым делом, Александр Павлович! И поверьте, всем скоро будет не до сна! И не только этой ночью...

Бендеры

Над городом властвовала не прежняя, привычная ночная тишина, нет, дыхание войны уже явственно чувствовалось, и от слитных ударов солдатских сапог дребезжали оконные стекла, норовя выпасть из рам.

– Спокойно, Пальма, спокойно...

Генерал Туркул потрепал свою любимицу по холке и тут же отнял руку. Тигровый бульдог глянул на него умными понимающими глазами и застыл. Собака крепко привязалась к Антону Васильевичу, что выкормил ее щенком, и совершенно не боялась стрельбы и взрывов, всегда сопровождая своего хозяина даже в самое горячее пекло.

– Это ведь наш звездный час, милая, – тихо промолвил генерал и резким движением бросил ладонь к козырьку фуражки, приветствуя проходивших мимо него солдат. Собака, словно почувствовав значимость и торжество момента, застыла столбиком рядом.

Об этом генерал мечтал почти три года, и вот в первый освобожденный от румын город вошла его дивизия. Причем, проводя этот импровизированный парад, ясно показывавший жителям, что русская армия теперь не та разложившаяся толпа, бесчинствовавшая здесь в последние смутные дни 1917 года.

Только ради этого стоило жить и воевать...

На просторной улице, что протянулась чуть ли не через весь город, освещенной заревом пожара нескольких горящих зданий, вокруг которых копошились добровольные пожарные в окружении многочисленных обывателей, уже успокоившихся от пережитого страха, размашистым шагом проходили густые колонны стрелков его дивизии, над головами которых тускло отсвечивали жала граненых штыков.

– Шли дроздовцы мерным шагом,
Враг под натиском бежал,
Под трехцветным русским флагом,
Славу полк свою стяжал.

Впереди колонны, осененной боевым знаменем дивизии, чеканя шаг, шел молодой полковник, пустой рукав гимнастерки которого был пристегнут булавкой.

Владимир Владимирович Манштейн потерял руку в бою, но остался в строю, пройдя все ступени, от командира роты до командира полка, которым храбро и умело руководил. А неделю назад стал и помощником комдива, причем Туркул два дня назад сам направил военному министру представление на генеральский чин.

– Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Офицерские заставы,
Занимали города.

За спиной Туркула всхлипнул старик в потрепанной шинели, прижав платок к повлажневшим глазам. Он был живой легендой дивизии, и тем торжественней была эта минута.

Владимир Карлович Манштейн получил пустые двухпросветные погоны еще в то время, когда его сын был кадетом. По дряхлости в мировой войне не участвовал, но в гражданскую добровольно встал рядом с сыном, взвалив на себя хозяйственную службу в тех подразделениях и частях, которыми командовал Манштейн-младший.

Редкостной честности человек и с обостренным чувством чести, отец показывал всем офицерам дивизии образцы мужества и дисциплинированности, первым вставая перед собственным сыном. И ни разу прилюдно не показывал истинных отцовских чувств, хотя все знали, что Манштейны друг в друге души не чают.

– И останутся как в сказке,
Как манящие огни...

Дроздовцы торопились вперед, туда, где ночное небо расцвечивалось огненными сполохами и откуда доносилась еле слышимая, но частая стрельба, да глухо хлопали разрывы снарядов.

Там корниловцы расчищали дорогу на Кишинев, вместе с горцами из 1-й Кавказской конной дивизии обрушившись всей силой на румын, не привыкших и не ожидавших стремительного ночного боя. А потому панически бежавших из Бендер в первые часы развернувшегося мощного наступления русских полков.

– Валахи опомнились, господа, не нужно им давать времени, – Туркул негромко обратился к застывшим командирам полков и штабным офицерам, показывая рукою на далекое зарево. – А потому будем брать врага на штык! Вперед, дроздовцы!

Одесса

– Нужно руководствоваться токмо пользой Отечеству – ведь так говаривал император Петр Великий?! Я говорил со Слащевым – он прав! Потому генералы, думающие лишь о собственных амбициях или о старшинстве в чине, что походит на боярские склоки о местничестве, – подлежат немедленному увольнению от службы! Незамедлительно! Хватит, нам генеральские раздоры на той войне принесли вреда больше, чем неприятель!

Михаил Александрович хрипло дышал, карандаш в его руках с сухим хрустом щелкнул. Немного пройдясь по кабинету, император успокоился и смягчил голос:

– Идет война, Александр Павлович, пусть она даже не объявлена. А потому все наши чувства, симпатии или антипатии вторичны, а в первую очередь мы должны честно исполнять свой долг. Приказы отданы, их нужно исполнить!

– Есть, ваше величество! Разрешите идти!

– Идите, генерал. Сейчас многое зависит не только от нас. Я надеюсь на вас, Александр Павлович!

Военный министр вытянулся, как юнкер на плацу, и, четко развернувшись через левое плечо, пошел к двери. Однако та растворилась прежде, чем генерал сделал несколько шагов.

– Разрешите, государь!

В кабинет вошел командующий Черноморским флотом адмирал Колчак с побледневшим лицом. К груди он прижимал толстую черную папку, в которых обычно держат документы.

– Что у вас, Александр Васильевич?

– Это мне отдал ординарец Константина Ивановича. Тут, правда, есть его личное указание вскрыть после смерти, но вышло совершенно случайно. Это касается больше вас, государь, чем меня! Я, признаться, могу лишь догадываться, о чем здесь идет речь...

Адмирал протянул императору несколько листов бумаги, и тот быстро, чуть дрожащей рукою схватил их. Пробежав глазами, Михаил смертельно побледнел, но глаза засверкали радостным огнем.

«Так он не умер от ожогов – Костя меня обманул. Нет, нет – я поторопился, ведь тут написано, что так захотел сам Семен. И как же мне его найти, не зная ни нового имени, ни чина, ни должности, которую он исправляет. Это же иголку в стоге сена искать!»

Михаил Александрович утер платком лоб, продолжая лихорадочно думать.

«Хотя... Так найти его просто, очень просто, чего я мучаюсь?! В Сибири его быть не может по определению, и вряд ли на севере. Только здесь, и никак иначе!»

– Александр Павлович, прошу вас задержаться!

Кутепов тут же остановился, развернулся и внимательно посмотрел на царя. Тот, взволнованный выше всякой меры, подошел к нему вплотную и дружеским жестом положил тому ладонь на погон, держа краешком взгляда лицо адмирала.

Уж слишком своевременно тот принес драгоценную бумагу, что означало только одно – Александр Васильевич знает намного больше, чем сказал, а это внушало подозрения.

– Александр Павлович, у меня к вам просьба. Из Сибири сюда переведен офицер, необходимо его разыскать...

– Нет ничего проще, государь. Все сведения из окружных канцелярий уже обработаны в министерстве. Мне нужна фамилия, чин и должность, и я немедленно поговорю по телефону...

– Я не знаю...

Император развел руками, а генерал Кутепов с нескрываемым изумлением посмотрел на него.

– Он может быть капитаном или майором, но не более подполковника, – Михаил Александрович мучительно размышлял, говоря коротко и осторожно. – Служить в бронечастях, сам танкист. Да... Вот еще – все лицо покрыто сплошным ожогом, он горел...

– Я знаю его, – после короткой паузы Кутепов улыбнулся, глаза сверкнули. – Я запомнил капитана Ермакова с представления мне, как военному министру. Это было во второй половине сентября, числа двадцатого или чуть позже на два или три дня. Он единственный из офицеров тогда был в форме сибирских бронечастей, кожаной куртке с Анненским кортиком, да еще со столь... запоминающимся лицом.

– Капитан Ермаков? – для надежности спросил император, заметив, как вздрогнул от этой фамилии Колчак.

«Вы, Александр Васильевич, явно имели откровенный разговор с Арчegovым и знаете его настоящую фамилию. Недаром вас закадычными если не приятелями, то друзьями считают. Да и Сеня, взяв такую фамилию в отместку Косте так поступил. Гримаса судьбы, право слово».

– Да, капитан Ермаков, – Кутепов наморщил лоб, припоминая. – Семен Федотович вроде бы. Его жена, прелестная девушка, с которой я имел честь разговаривать...

– Жена? Он женат?!

Теперь настала очередь совершенно искренне удивиться императору, который вздрогнул, когда Кутепов произнес имя с отчеством. Да и Колчака, судя по всему, новость изумила.

«Темнишь ты, Александр Васильевич, темнишь. Знаешь, кто такой генерал-адъютант Фомин, пусть по разговору, на словах, но ведом он тебе. Хорошо знаком. Но откуда у Семени появилась жена?! Когда он успел? Не может быть! Что-то здесь не так?!»

– Романтическая история, государь, с ними случилась. Познакомились в Иркутске, где капитан лечился от ожогов – бронеплощадка взорвалась, возник пожар...

– «Безупречный»?!

– Так точно, ваше величество.

«Арчegov, bestия еще та, даже этот нелепый взрыв к своей пользе использовал. Нет, столько совпадений быть не может!» – Михаил Александрович снова вытер пот.

– Они познакомились в купе, а в Омске уже поженились. У Семена Федотовича прекрасный послужной список, я его мельком глянул – из нижних чинов нашей Особой бригады во Франции охотником переведен в Английский танковый корпус, награжден двумя солдатскими «Георгиями». При Керенском произведен в поручики, но от чина отказался...

«Это он, и никто другой. Английским и французским языком я с ним занимался, так что эта «легенда» легко подкрепляется. Именно похожую они тогда в Перми придумали. Ничем не лучше, но и не хуже биография – кому придет в голову нижнего чина проверять», – Михаил Александрович улыбнулся. Теперь осталось выяснить, где служит новоявленный Ермаков, но военный министр сам ответил на этот вопрос.

– Вообще-то, я был обязан предоставить капитану отпуск по случаю женитьбы, ведь у них медовый месяц, и для поправки здоровья. Но в Новороссийск пришли на транспорте из Англии танки, и он сам попросил направить его туда, а отпуск предоставить в декабре. Весьма похвальное рвение! Да, на аттестации генерал Арчegov наложил свою резолюцию, что Ермакова следует использовать исключительно в танковых частях, на должностях от командира отряда и выше.

– Немедленно радируйте в Новороссийск...

– Государь, три часа назад из генштаба отправили телеграмму о погрузке танков обратно на транспорты и о направлении их в Одессу. Танковый дивизион будет передан дроздовцам – те отбросили румын от Тирасполя и заняли Бендеры.

– Я не о том, генерал. Транспорт плывет долго, да еще нужно время на погрузку. А капитан должен быть завтра. Иначе будет поздно, ибо он единственный, кто может помочь...

Михаил Александрович сознательно замолчал и многозначительно посмотрел на адмирала. Тот за какую-то секунду посерел лицом, осунулся, и тут император окончательно уверился в том, что Колчак знает, какими способностями может обладать «Ермаков». И сообщить это ему мог только Арчegov, и никто другой.

Вот только для чего?

– Ваше величество, – Колчак сделал шаг вперед, – в Новороссийске сейчас «Беспокойный» в порту, топлива в достатке. Эсминец за сутки дойдет до Одессы на полном ходу!

– Немедленно радируйте командиру от моего имени приказ...

Новороссийск

– Господа, позвольте мне высказать мнение, надеюсь, что вы его разделяете, – молодой поручик Микеладзе, с неистребимым грузинским акцентом в голосе и с потеками грязи на смуглом горбоносом лице, поднял черную от масла ладонь. – Я думал, что в России дурные приказы всегда смягчаются не менее дурным их исполнением нижестоящими. Но впервые я жестоко ошибся, господа...

Дружный, но не совсем искренний смех уставших и чумазых офицеров послужил ему ответом. Танкисты засмеялись натянуто, от усталости многие не смогли даже приподняться с постеленного прямо на пирсе брезента. Еще бы – утром подняли по тревоге и заставили грузить все обратно, почти до самого вечера, без передыха. Причем подгоняемые свирепым рыком обычно спокойного командира отряда подполковника Мироновича, никаких объяснений не дававшего. Но к шуткам и розыгрышам, как все знали, отношения никогда не имев-

шего. Так что пришлось танкистам снова превратиться в докеров, и лишь сейчас им разрешили длительный перекур.

– Да, господа, я полностью согласен с князем, сие есть удивительное дело, – командир танка «Генерал Скобелев», капитан Трембовельский закурил папиросу, с наслаждением затянулся и продолжил, лукаво поглядывая в сторону Фомина: – Если бы три дня назад наш любезный Семен Федотович не стал бы торопиться с выгрузкой танков, то сегодня мы бы уже плыли в Одессу, вдыхали свежий морской воздух и грелись на солнышке. Вот что с русскими офицерами дисциплинированный запад делает, теперь нас не спасет наше исконное отечественное разгильдяйство...

Вот тут-то и грянул гомерический, идущий от души хохот, да такой, что Фомин почувствовал себя не в своей тарелке. Он был таким же командиром танка, как и Трембовельский, а потому на подначки равных по должности и званию в танковых войсках внимания не обращают, а ищут адекватный и остроумный ответ.

От усталости голова, как говорится, «не варила», тело ломило от боли, и Семен Федотович промолчал, лежа на нагретом солнцем брезентовом чехле, и не было сил, чтобы закурить спасительную папиросу.

– Да, полноте, господа, зубоскалить над своим товарищем! Нет-нет, лежите, у вас есть еще целый час отдыха. Через двадцать минут вас покормят обедом. Пусть и с некоторым опозданием.

Фомин со стоном дернулся, стараясь встать согласно уставу, но отказался от этой попытки. Раз уж сам командир отряда приказал лежать и набираться сил, то стоит выполнять распоряжение.

Но разговоры мгновенно прекратились, словно по мановению волшебной палочки, и офицеры с немим вопросом уставились на молодого, 27-летнего, но достаточно опытного и знающего командира, в чем Фомин уже успел убедиться.

С таким можно идти в бой...

– Господа, я сам не знал, чем вызвана радиограмма из Генштаба о погрузке. Только сейчас все прояснилось. И у меня для вас есть две новости из разряда хороших, ибо плохих не бывает по определению... Бывают только хреновые и очень хреновые, – подполковник сам закурил, вытянув длинную «турчанку» из серебряного портсигара, усмехнулся, заметив, что в глазах подчиненных промелькнули веселые искорки.

Все тут были очень молоды, полны энергии, как этому возрасту и свойственно. И только Фомин в их глазах был «стариком», если судить по его 37 годам, согласно послужному формуляру. Если бы узнали его настоящий возраст, что на десять лет превышал данный, то, наверное, все искренне изумились, ибо он им в отцы годился.

– Вчера вечером румыны обстреляли корниловцев у Тирасполя. В ночь наши перешли в наступление. Бои идут тяжелые, но валахов выбили из Бендер, они начали отступать к Кишиневу.

Офицеры моментально уселись, внимательные глаза, устремленные на отца-командира (а возраст тут ни при чем), моментально стали строгими – на слово «война» любой служивый реагирует только таким образом.

– А теперь вторая новость, господа! Все танки идут в Одессу, а, значит, дня через три или четыре мы пойдем в бой. Не все, конечно, у нас только шесть подготовленных экипажей, кто раньше служил на «Марках». А потому к утру все должно быть загружено, отоспитеесь в плавании. У меня все, господа. А теперь отдыхайте!

Командир легко поднялся и быстро пошел к стоящему у въезда автомобилю. Фомин сразу подумал, что Павел Игнатьевич решил съездить к военному губернатору Новороссийска, чтобы у него узнать последние новости, а как окончится обед, то подполковник опять начнет руководить погрузкой.

– Чего-то наши морячки засуетились, как наскипидаренные, – поручик Бекич, инженер-механик «Генерала Скобелева», показал рукою на середину Цемесской бухты, где стоял длинный эсминец.

На нем действительно началась суматоха – забежали по палубе матросы, из труб повалил дым, на мачту быстро подняли какие-то разноцветные флажки. Вскоре от борта корабля отвалил катер, шустро устремившийся прямо к их причалу.

– К походу изготовились, вот и засуетились. В Одессу, наверное – флот румынские порты обстреливать будет, – вскользь бросил кто-то из танкистов, но дискуссии не вышло. Своих проблем было выше крыши, танки предстояло грузить до утра, а потому размышлять о чужих сложностях никто не желал, тем паче о морях.

Однако катер пришвартовался рядом с транспортом, на причал вступил офицер в черном морском кителе и решительно направился к отдыхающим танкистам. Тем пришлось подняться, соблюдая вежливость и воинскую субординацию.

– Командир эскадренного миноносца «Беспокойный» капитан второго ранга Остолопов, – с ходу представился выдавший виды моряк с жестким, словно просмоленным лицом, чисто выбритым подбородком и короткими, на английский манер подстриженными усами. – Господа, могу ли я увидеть капитана Ермакова?

Ялта

– Молодой, да ранний, – однако в голосе бывшего главнокомандующего ВСЮР не слышалось раздражения, как прежде.

– Все сделал руками монарха, милого Александра Павловича, да адмирала, а сам в тени остался. Политик, право слово, не зря о нем старик Келлер так отзывался.

Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин погладил пальцами седую бородку, которая его старила на добрый десяток лет, хотя и до пятидесяти ему было еще далеко. А взгляд снова прикипел к расстеленной на столе карте Бессарабии, расцвеченной синими и красными кружками. Причем первых, служивших обозначениями русских войск, было гораздо меньше, чем вторых – румынских дивизий короля Фердинанда.

Отпуск, который чета Деникиных проводила в Греции, прервался неделю назад – в полученной от военного министра телеграмме приказывалось немедленно прибыть в Ялту.

Проглотив очередную обиду, Антон Иванович повиновался, и три дня назад прибыл в порт на первом же пароходе. Там его встретил капитан генерального штаба, вручил под расписку толстый пакет и сопроводительное письмо, подписанное генерал-адъютантом Арчевым.

В письме тот, выражая в словах всяческое уважение, фактически приказал ждать его до вечера 3 октября на отведенной для отдыха роскошной даче великого князя Александра Михайловича.

Деникиных встретили с чрезвычайной почтительностью, прислуга была чрезвычайно предупредительна, да еще выставлен полицейский пост и почтил визитом градоначальник. Первые часы Антон Иванович пребывал в полной растерянности – в отставку, как он думал раньше, таким образом не отправляют.

Тут что-то другое, но вот что?!

Пересмотрев списки назначений и увольнений по «Русскому инвалиду», генерал только усмехнулся в бороду – «сычем» ему стать никак не грозило. Впрочем, здесь в ходу был уже иной термин – «кутеповщина». Единственное, о чем пожалел генерал, так о том, что в свою бытность главнокомандующим он не нашел в себе такую безжалостную решимость очистить вооруженные силы от прорвы приспособленцев и тыловых бездельников...

– Антон Иванович, ты чем-то встревожен?! Ты не ложишься спать и все продолжаешь сидеть над картами. Побереги здоровье, родной, приляг хоть на часок. Солнце давно в зените.

Мягкий голос жены отвлек его от мыслей, и генерал улыбнулся. Долгие годы он переписывался с юной Ксенией Васильевной Чиж, но, имея на иждивении больную мать, не мог сделать ей предложения руки и сердца. Но девушка ждала всю войну... И дождалась...

– Я поспал ночью немного. Ты знаешь, любовь моя, – устало произнес Деникин, – мне нужно еще поработать. Я себя хорошо чувствую. А вот вечером лягу пораньше.

– Ты что-то знаешь о назначении?

– Нет, генерал Арчegov в письме обещал прибыть на днях. Вот и побеседуем с молодым человеком тет-а-тет. Но сейчас мне ясно одно – скоро начнется война.

– Война?! Боже мой, опять будем убивать друг друга, – простонала Ксения. Она, как и все женщины на земле, за исключением ущербных на голову, войну недолюбливала, ибо какой жене и матери понравится отправлять на смерть мужей и сыновей.

– Не с большевиками, успокойся – они заняты мировой революцией, им сейчас не до нас, в Берлине парад проводят!

Губы Деникина сжались в злую гримасу. Только недавно он понял, что все перемены, прошедшие с марта, оказались наилучшим выходом из положения. И хотя сердце многого не принимало потому, что перемирие с большевиками он рассматривал как сделку с бесами, но разум постоянно говорил, что, перед тем как начать войну снова, нужна передышка.

«А ведь мы Россию заново собирать начали, потихоньку. И даже больше», – быстро пронеслась в голове мысль, и тут Антон Иванович, углубившийся в размышления, почувствовал, что ладонь жены тербит его за плечо, требовательно и настойчиво.

– Антон, ты задумался. С кем война-то будет?

– Я думаю с Румынией, – тихо произнес Деникин, и Ксения понятливо кивнула – секреты своего мужа она тщательно хранила, но и генерал редко разговаривал о служебных делах дома.

– И очень скоро...

Новороссийск

– Я капитан Ермаков, – Фомин сделал шаг вперед, – позвольте осведомиться, чему обязан, господин капитан второго ранга?

– Мне приказано немедленно доставить вас в Одессу...

– Кем приказано?

Слова непроизвольно вырвались у оторопевшего от такого удивительного заявления танкиста.

– Адмиралом Колчаком, – резанул моряк с высокомерной снисходительностью во взоре, протянув плотный картонный пакет. – И вручить вам лично в руки радиограмму, господин капитан.

– От кого?! – изумился Фомин, и от растерянности совсем глупо спросил: – От адмирала? А там что...

– От его величества, – выделяя каждое слово, произнес моряк, смотря на Фомина как на умалишенного. – Адмиралы танками не командуют. А шифровальщики обязаны всегда запечатывать повеления его императорского величества! Мне приказано лишь вручить вам в руки лично. Прошу расписаться, господин капитан!

Семен Федотович надорвал запечатанный конверт, машинально расписался на нем и вытащил тонкий листок. Руки затряслись, когда он его развернул. Твердым почерком шифровальщика были тщательно выведены буквы – «Генерал Арчegov тяжело ранен в голову. МИХАИЛ».

Далее шло привычное «с подлинным верно», но вот подпись под ним несказанно удивила – «адмирал Колчак». Он прочитал послание еще раз и прикусил губу.

«Случайно он меня нашел или... Нет, если бы знал, что моя смерть от ожогов мистификация, то разыскал раньше. Похоже, с Константином Ивановичем совсем скверно, раз врачи помочь не могут. Только я, вот почему так коротко написано. Тогда нельзя терять ни минуты».

Фомин поднял глаза и увидел, как возле него образовалась почтительная пустота. Танкисты смотрели с почтительностью, хотя глаза прямо пылали жгучим интересом. И тут он понял, что если ему предстоит вернуться в отряд, то эти парни уже никогда не будут обращаться к нему с прежней искренностью. Между ними будто пропасть образовалась. Наверное, так бывает, когда веселящиеся офицеры внезапно узнают, что один из них имеет к званию лейтенанта приставку «генерал».

– Мне необходимо доложить командиру, предупредить жену, чтоб собрала вещи и немедленно отправлялась на корабль... И помыться, я весь грязный. – Фомин обернулся, увидел подошедшего сзади подполковника Мироновича и машинально протянул тому бумагу. Но тот быстро сделал шаг назад, отводя руку с приказом.

– Повеление его величества предназначено только для вас, Семен Федотович. Князь, я прошу вас...

– Я сейчас же предупрежу Марию Александровну, помогу собраться и доставлю!

Если такое поручение Миронов дал бы кому-нибудь из других офицеров, то Микеладзе, рыцарственно влюбленный в жену Фомина, смертельно обиделся на него. С самым радостным видом молодой грузин стремглав метнулся к автомобилю, через минуту только пыль клубилась за ним следом, увозя счастливого поручика.

– Господин капитан, на «Беспокойном» имеется корабельная баня, – Остолопов снисходительно, но уже без флотского высокомерия обратился к Фомину, – к вашим услугам. Я буду ожидать вас на катере.

– Искренне признателен вам, господин капитан второго ранга. – Семен Федотович подумал, что если бы он захотел взять с собою жирафа, сославшись на высочайшее повеление, то моряк, не моргнув глазом, тут же приказал упаковать животное.

Фомин посмотрел на давший малый ход эсmineц, на выдубленное солеными ветрами лицо Гутана, затем глянул на высившиеся над Новороссийском горы. Именно с них, как ему успели рассказать местные рыбаки, срывалась «борея» – сильный северный ветер, устраивавший в бухте ужасную «толчею».

Зимой корабли могли обледенеть за считанные минуты и заваливались на борт под сильными ударами. Недаром Цемесская бухта считалась кладбищем погибших кораблей.

«Нет, опытный моряк, другого просто не отправят сюда», – решил про себя Фомин и вздохнул. Ведь для Гутана, как ни крути, место службы тягостное. На дне бухты лежала целая эскадра, затопленная летом 1918 года. Тогда в Новороссийск из Севастополя, к которому подступили германские войска, Черноморский флот пришел.

Вот только тут их никто не ждал, да и казаки против большевиков восстали. Матросы помитинговали – часть решила обратно возвратиться, а другая, из сторонников большевиков, свои корабли затопила. На дно ушли новейший линкор «Свободная Россия» (бывший «Императрица Екатерина Великая»), с десятков нефтяных и угольных эсминцев, транспорты и вспомогательные суда. А ведь если бы не это, то сейчас на Черном море под Андреевским флагом имелась внушительная сила...

Вечерело.

– Семен Федотович, можно вас на минуту, – подполковник Миронович сделал шаг вперед. – Не знаю, встретимся мы или нет, но я искренне признателен вам за выгрузку танков... и их погрузку обратно. Кто ж знал, что начнется война с румынами...

– Не стоит благодарности, Павел Игнатьевич, служба! Но я скажу вам честно – в наш отряд я вернусь в любом случае... – Он помедлил. – Ибо быть здесь повелевает мне долг!

– Не знаю, Семен Федотович, не знаю. Скорее всего, ваши представления дошли до государя-императора. Вы, наверное, единственный в русской армии офицер, что воевали на танках с первого дня их появления. Такой огромный опыт достоин более лучшего применения. Сочту за честь служить под вашим командованием...

– Ну что вы, Павел Игнатьевич, вы сильно преувеличиваете мои заслуги. Надеюсь, что вновь окажусь в вашем отряде, что для нас с Машей вторым домом стал. Не прощаюсь, мон коронель!

– Тогда до скорого свидания, Семен Федотович, мы будем ждать вашего возвращения!

Офицеры обменялись крепким рукопожатием, Фомин коротко поклонился танкистам и направился к катеру, возле которого невозмутимо прохаживался капитан эсминца.

– Что ж, Машенька, надеюсь, поторопится, она у меня дисциплинированная девушка, с характером... Нужно успеть, ибо долг платежом красен...

Глава вторая

Осень, что я знал о тебе...(4 октября 1920 года)

Черное море

Семену Федотовичу впервые приходилось завтракать в таких условиях, когда в любую секунду тарелка норовила оказаться то выше его груди, то ниже живота.

Да и вообще, на военных кораблях ему как-то не пришлось бывать до вчерашнего дня. Даже через Каспийское море, что, по сути, большое озеро, они с Машей плыли на транспорте, да и волн тогда не имелось, одно удовольствие любоваться спокойными лазурно-синими водами.

Сейчас качка была порядочной, эсминец бросало из стороны в сторону, и пока они шли в кают-компанию, куда их пригласили позавтракать, в сопровождение старшего офицера весьма зрелых лет с погонами капитана 2 ранга, Фомин ухитрился трижды пересчитать переборки.

Но вот у Маши оказался собственный ангел-хранитель в лице улыбчивого старшего лейтенанта – тот так ловко придерживал девушку за локоть, что та ни разу не ударилась.

Путешествие в беспокойном море удовольствие не из приятных. Узкий и хищный эскадренный миноносец далеко не лайнер, небольшой по размерам корабль болтает изрядно. Однако флотское гостеприимство порядком скрасило причиненные водной стихией неудобства.

Фомин ожидал, что поместят их в каком-нибудь железном ящике, похожем на собачью конуру, но командир великодушно уступил им свою собственную каюту, размером чуточку больше вагонного купе, но чрезвычайно уютную.

Поначалу Семен Федотович заподозрил, что полученная им от царя телеграмма сыграла здесь свою роль, но потом понял, что ошибся – матерый моряк всеми силами пытался устроить Машу поудобнее и относился к ней с чисто отцовской заботливостью.

Утром «Ермаковых» пригласили позавтракать в кают-компанию, причем, к великому удивлению танкиста, с ними пригласили и Остолопова, и тот не скрывал своего удовлетворения.

Как потом понял Фомин из разговоров, на флоте царил удивительный порядок – командир корабля не имел права без приглашения приходить в кают-компанию, дабы не смущать своим присутствием господ офицеров в высказываниях, порой могущих быть нелицеприятными.

За все происходящее здесь, как и за порядок на корабле, отвечал исключительно старший офицер, на которого сыпались все огрехи – да и сами моряки называли эту хлопотливую должность «собачьей».

Удивительные порядки!

Сама офицерская кают-компания на «Беспокойном» оказалась маленькой – два кожаных дивана, между ними длинный стол, прикрепленный к палубе, да втиснутое к переборке пианино. Вообще, на эсминце совершенно не оказалось предметов, которые не были бы намертво к чему-либо прихвачены болтами или приклепаны, да оно и понятно.

Не имелось также и роскоши в виде ковров, занавесок, каких-либо безделушек или деревянных предметов – все предельно прочное, из железа или стали, практичное, функциональное, к ремонту пригодное и, главное, не ломающееся.

Почти как в танке...

– Господа, минуточку внимания!

Старший офицер говорил громко, как и все – мощный рев турбин идущего полным ходом миноносца изрядно давил на уши, вызывая глухоту, так что приходилось повышать голос, дабы быть услышанным.

– Позвольте от лица кают-компания выразить восхищение нашей очаровательной гостье. Мария Александровна, мы просто счастливы познакомиться с вами на борту нашего «Беспокойного» и искренне надеемся, что и у вас останутся самые хорошие и теплые воспоминания от этого небольшого путешествия.

Восхищенные взгляды, которыми молодые моряки смотрели на жену, неожиданно пробудили в душе Семена Федотовича ревнивые нотки, но тут же погасли – положив руку на сердце, он и сам восхищался своей второй половинкой.

Маша надела традиционный для казачек наряд, простой, но чрезвычайно эффектный – длинная юбка с вышитой кофточкой, толстая, с руку, коса переброшена на плечо – спасибо тем медикам, что не остригли ее наголо на той заснеженной станции.

Сейчас он как никогда осознал, откуда идет у казачек эта хищная степная привлекательность, статность, понимание собственной красоты. Кровь поколений здесь перемешана, ведь возвращаясь из походов, казаки зачастую привозили своих жен – наиболее привлекательных восточных пленниц, взятых на саблю.

– Благодарю вас, господа! – Маша горделиво подняла подбородок. – Я, признаться, не ожидала, что вы встретите так радушно. Ведь к присутствию женщины на корабле, как я знаю, моряки относятся неодобрительно, согласно давним неписаным традициям?

– Напрасно, Мария Александровна, нас в этом упрекать. Сии предубеждения идут с тех времен, когда по морю ходили на парусах!

– Ваш корабль мне очень понравился, господа. Правда-правда. Норовистый и быстрый, я думаю, он полностью достоин своего имени. И гордится вами так же, как и вы им! Думаю, что мой муж, имеющий под командой свой боевой «корабль», точнее выразит наши общие ощущения.

Взгляды всех собравшихся дружно скрестились на Семене Федотовиче, и под ними он почувствовал себя несколько неуютно. Если на жену смотрели с нескрываемым восхищением, то на его изувеченное, багровое от ожогов лицо с участливой жалостью, сквозь которую проступал страх самим стать такими же.

Да и подспудно думали, наверное, что «уроду» несказанно повезло жениться на красавице – «И что это она в нем нашла?»

Зато на широкую грудь Фомина, увешенную двумя десятками орденов, крестов, знаков и медалей, взирали с нескрываемым интересом, ибо награды на кителях у моряков были гораздо скромнее – два-три ордена, в лучшем случае. Лишь у командира эсминца знаков доблести было чуть больше, включая редчайший среди офицеров Георгиевский крест, да на шее пламенел орден святого Владимира 3-й степени с мечами.

Выглядели моряки импозантно – все в черном, кителя с брюками отглажены, при кортиках. Вот только вместо старых золотых погон, оставленных лишь для особо торжественных дней по императорскому повелению (это было политическое решение, учитывая ненависть, прививавшуюся большевиками к «золотопогонникам»), на плечах были черные с желтыми просветами плавсостава. Да на обшлагах появились ряды узких и широких полосок, как на британском флоте.

Сам Фомин выглядел не менее импозантно в форме бронечастей Сибирской армии. Танкистская повседневная тужурка темно-стального цвета с сибирским бело-зеленым угольником на левом рукаве хорошо гармонировала с ослепительно белой рубашкой и галстуком.

Черные технические погоны с красным просветом броневых частей, как и само обмундирование (образцом послужила форма танковых частей РККА), включая комбинезоны, были введены самим Фоминым в бытность генерал-адъютантом.

Дополнял облачение кортик с Анненским темляком, до того полагавшийся только морякам и авиаторам – именно на него и посматривали офицеры «Беспокойного» с явственным неодобрением.

В такой униформе он был единственным среди танкистов белой армии на юге России. Дело заключалось в сохранении той практики, что появилась еще в годы мировой войны.

Офицеры, служившие в броневых отрядах, считались откомандированными от своих полков, но как продолжавшие числиться по штату в них, носили соответствующее обмундирование. А потому царила чрезвычайная пестрота мундиров, нарушавшая один из армейских принципов – «пусть безобразно, зато единообразно».

Берлин

– Нет, каков мерзавец, ну каков подлец...

Лев Давыдович со стариковским кряхтением наклонил голову и в который раз посмотрел на сизо-багровое пятно, ужасной кляксою расплывшееся чуть выше пупка.

Доктор привычно сделал примочку, не обращая внимания на стенания наркомвоенмора советской республики, ловко наложил тампон.

– Полежите немного, Лев Давыдович, через три дня будет уже лучше. Вас панцирь спас, иначе бы вы приняли мучительную смерть!

От слов врача Троцкого бросило в холодный пот. Вчера он ни о чем не думал, ему казалось, что живот скоро превратится в раскрытую жаровню. Но доктор поставил ему укол морфия, боль сразу же ушла, и он благополучно проспал сутки. Но теперь сон не шел, а от такого обезболивающего Лев Давыдович сам отказался, зная, что к нему можно привыкнуть.

Обладая красочным воображением публициста, Троцкий представил, как пуля, снабженная разрывным зарядом, пробивает его плоть и взрывается внутри живота.

– У-й!

Льва Давыдовича прямо скрючило в кровати, он схватился двумя руками за живот. Воображение сыграло над ним злую шутку – председатель РВС словно наяву увидел, как из разорванного живота вывалился комок растерзанных и дымящихся кишок, и ему стало дурно.

Кое-как наклонив голову вниз, его вырвало прямо на пол. Спазмы мешали дышать, а затем чудовищная резь пронзила весь живот, будто полосую раскаленной иглой.

Двери немедленно распахнулись, влетевший охранник крикнул в коридор, а миловидная сестра милосердия стала тут же убирать с пола полотенцем, нисколько не брезгуя. Вбежавший обратно в палату обеспокоенный врач пощупал пульс, затем через трубочку внимательно послушал сердце, и его лицо прояснилось.

– Контузия серьезная, Лев Давыдович. Гематома обширная от ушиба тканей. Ничего, дня три-четыре пройдет и все наладится, на поправку пойдете, это вам я обещаю. Но диету соблюдать вам придется строго, сегодня ничего, куриный бульончик только, хотя понимаю, что трудно. При вашей язве такие ушибы не рекомендуются!

– Хорошо, – буркнул в ответ Троцкий и смежил глаза, его порядком мутило: и от переживаний, и от повреждений. К горлу снова подкатила тошнота, но на этот раз он сдержал ее.

– Хорошо, что панцирь надел, – облегченно вздохнул Лев Давыдович, погладив пострадавшее место. И тут же нахлынула злобная волна – нет, каков подлец!

Специально стрелял в живот, мерзавец, чтобы он помучился перед смертью. Главкому Каменеву разнес голову, как гнилой арбуз, мозги во все стороны полетели.

Наркому по делам национальностей Сталину вообще послужил хирургом, отстрелив искалеченную в детстве «сухую» руку. Тут Лев Давыдович повеселел – избавился он от ленинского шпиона, и хорошо, всегда в плохом чуть что-то хорошее имеется.

Командующему Западным фронтом Тухачевскому вообще откровенно повезло – ни одна пуля не попала.

Неведомый стрелок не промахнулся, нет – оба адъютанта, прикрывшие бывшего поручика своими телами, были застрелены насмерть. Пули разворотили грудь так, что смотреть без тошноты было невозможно.

– Умелец, сукин сын!

Лев Давыдович облегчился самыми черными словами, которые и еврейский сапожник произнести не сможет. Нет, ну каков подлец! А если бы целил в голову...

– У-й...

Троцкого опять стошнило, и качественно. Отчетливое видение своей собственной головы, расколотой как репа, с дымящимися мозгами его самого – вождя мировой революции, – настолько потрясло председателя РВС, что потребовался нашатырный спирт, ватку с которым ему сунул под нос заботливый доктор.

– Уберите эту дрянь!

Троцкий чуть ли не кричал во весь голос, балансируя на грани срыва в дикую истерику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.